

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-1-6

Исследовательская статья

Шаповалова И. С.¹
Махмутова К. А.²

Волонтеры Победы: специфика деятельности
и мотивы участия

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия

¹shapovalova@bsuedu.ru

²mahmutova@bsuedu.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования обусловлена институционализацией историко-патриотического добровольчества как гибридного механизма трансляции исторической памяти и гражданской солидарности в условиях фрагментации социального опыта и запроса молодежи на аутентичность форм участия. В фокусе внимания статьи специфика мотивации и деятельностного профиля молодежи, входящей во Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», что до настоящего времени оставалось лакуной в социологии молодежи и социологии управления. *Методологическую основу* статьи составили результаты массового опроса (формализованное онлайн-анкетирование), проведенного в 2025 году на территории Белгородской области. Проанализирована подвыборка респондентов в возрасте 14-35 лет, идентифицировавших себя с направлением «Волонтеры Победы» (n = 1092 человек). Обработка данных включала дескриптивный и кластерный анализ мотивационной структуры с фиксацией разрывов между значимостью и реализованностью мотивов. *Главный научный результат* статьи заключается в эмпирически обоснованной кластерной диагностике мотивационного дефицита молодых волонтеров Победы, локализованного в зонах публичного признания, карьерной мобильности и содержательной привлекательности деятельности, что в отсутствие адресных управленческих интервенций создает риск эрозии наиболее квалифицированного сегмента и ритуализации патриотической активности. *Выводы исследования:* мотивационная структура молодежного патриотического добровольчества полимотивирована и иерархична, устойчивость участия обеспечивается преимущественно ценностно-альтруистическим ядром, однако системная недореализация статусно-карьерных ожиданий формирует латентный кризис. «Волонтеры Победы» ориентированы не на материальную компенсацию, а на символическое вознаграждение в форме эксклюзивного доступа к привилегированным социальным пространствам и конвертацию добровольческого капитала в образовательные и профессиональные дивиденды.

Ключевые слова: волонтеры Победы; волонтерская деятельность; мотивация волонтеров; ценности волонтерского труда

Информация для цитирования: Шаповалова И. С., Махмутова К. А. Волонтеры Победы: специфика деятельности и мотивы участия // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 2. С. 259-279. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-1-6.

Inna S. Shapovalova¹

Karolina A. Makhmutova²

Victory Volunteers: specifics of activities and motives for participation

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia

¹shapovalova@bsuedu.ru

²makhmutova@bsuedu.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the institutionalization of historical and patriotic volunteering as a hybrid mechanism for transmitting historical memory and civic solidarity under conditions of social experience fragmentation and the youth's demand for authentic forms of participation. The focus is on the motivational specifics and activity profile of young people within the all-Russia public movement, Victory Volunteers, filling a gap in youth sociology and management sociology. *The methodological framework* is based on the results of a mass survey (formalized online questionnaire) conducted in 2025 in the Belgorod region. A subsample of respondents aged 14-35 years who identified themselves with the Victory Volunteers direction (n = 1,092) was analyzed. Data processing included descriptive and cluster analysis of the motivational structure, recording gaps between importance and realization of motives. *The main scientific result of the article* is an empirically grounded cluster diagnosis of the motivational deficit among Victory Volunteers, localized in the zones of public recognition, career mobility, and substantive attractiveness of activities, which, in the absence of targeted managerial interventions, creates a risk of erosion of the most qualified segment and ritualization of patriotic activity. *Conclusions:* The motivational structure of youth patriotic volunteering is polymotivated and hierarchical; sustainability of participation is ensured primarily by the value-altruistic core, but systemic underfulfillment of status-career expectations generates a latent crisis. Victory Volunteers are motivated not by material compensation, but by the symbolic rewards of exclusive access to privileged social spaces and converting volunteer capital into educational and professional dividends.

Keywords: Victory Volunteers; volunteer activities; volunteer motivation; volunteer values

Information for citation: Shapovalova, I. S., Makhmutova, K. A. (2026), "Victory Volunteers: specifics of activities and motives for participation", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (2), 259-279, DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-1-6.

Введение (Introduction). В современной социологической науке наблюдается устойчивый эпистемологический поворот к изучению не столько самих институтов гражданского общества, сколько агентности субъектов, конституирующих эти институты. В этом ряду особый интерес представляет феномен историко-патриотического добровольчества, аккумулированный в

деятельности Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы». Актуальность заявленной темы детерминирована наложением двух макросоциальных трендов: с одной стороны, трансформацией механизмов трансляции исторической памяти в условиях цифровизации и фрагментации социального опыта; с другой – конструированием новой этики

гражданской ответственности, где волонтерство выступает не просто формой досуга, но каналом легитимации государственной идентичности.

Современная ситуация характеризуется актуализацией внешних и внутренних вызовов, что придает военно-патриотическому воспитанию статус фактора национальной безопасности в широком смысле слова – не только как защиты суверенитета, но и как сохранения цивилизационной идентичности. Однако традиционные институты социализации (семья, система образования, вооруженные силы) сегодня сталкиваются с эффектом «размывания» авторитета вертикальных структур у поколения Z и Alpha, для которых характерен высокий уровень недоверия к формализованным иерархиям. В этой парадигме движение «Волонтеры Победы» представляет собой уникальный гибридный институт, сочетающий элементы постматериалистической добровольческой активности (свобода выбора, горизонтальные связи, проектная деятельность) с императивами патриотического воспитания и сохранения национальной памяти. Изучение мотивации в данном контексте позволяет выявить механизмы трансформации «мягкой силы» гражданского общества в инструмент воспроизводства социальной солидарности.

Несмотря на устойчивый научный и прикладной интерес к феномену добровольчества, сложившаяся традиция его социологического изучения тяготеет к двум основным направлениям. Первое связано с экономикой волонтерского труда и базируется на теориях рационального выбора. Второе ограничивается преимущественно описательной статистикой, фиксирующей социально-демографические характеристики волонтера. За рамками этих подходов остается теоретически значимая проблема мотивации молодежи, в частности, участников патриотических движений. Перспективным здесь представляется совмещение аналитической оптики

политики памяти и теории поколений, осложненной эффектом постпамяти. До настоящего времени открытым остается вопрос о том, как именно в мотивационной структуре соотносятся аффективные (эмоциональное присвоение истории, чувство долга), рациональные (карьерные траектории, социальный капитал, символический капитал патриотизма в бурдьевском смысле) и гедонистические (досуг, коммуникация со сверстниками) компоненты.

Дополнительную остроту проблеме придает процесс институционализации, в ходе которого стихийный молодежный активизм трансформируется в управляемые формы. В этом контексте мотивация способна выступать как ресурсом, так и серьезным барьером, порождая риски ритуализации участия, формального отбывания повинности и формирования симулякров патриотической активности.

Выбор движения «Волонтеры Победы» в качестве объекта анализа обусловлен стремлением выйти за рамки чисто описательных подходов, доминирующих в ряде исследований молодежного добровольчества. В контексте социологии управления и социологии молодежи ключевое значение приобретает вопрос о том, каким образом символический капитал, связанный с Победой, трансформируется в реальные гражданские практики. В текущих условиях, когда государство провозглашает патриотическое воспитание приоритетной задачей, но одновременно сталкивается с запросом молодежи на аутентичность и деидеологизацию форм участия, диагностика реально действующих мотивационных структур выступает необходимым условием разработки эффективных управленческих решений. Лишь подобная диагностика даёт возможность минимизировать рассогласование между институционально заданными ожиданиями и теми субъективными смыслами, которые значимы для самих участников.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). Безусловно, тема молодежного волонтерства является одной из актуальных и широко представленных в научной периодике. Спектр изучаемых аспектов позволяет объединить работы по тем направлениям, которые более всего интересуют исследователей. В этой связи, безусловно, важными являются работы, где обращается внимание на ценностные аспекты добровольческого труда, затрагиваются проблемы волонтерской мотивации (Меренков, 2022; Певная, 2022; Кисиленко, 2018). Исследования, подчеркивающие важность добровольчества в контексте развития социальных инноваций и общественного сектора, показывают его значимость для формирования солидарного общества (Васильковская, Пономарев и др., 2021). Актуален и институциональный ракурс исследований, позволяющий увидеть перспективы регулирования и развития волонтерской деятельности (Певная и др., 2023; Батанина, Лаврикова, 2014, Шаповалов, 2014), а также деятельностный подход к изучению волонтерства, поднимающий проблему эффективности организации волонтерского труда (Сушко 2017; Паршакова, 2015).

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием и формированием ценностей посредством добровольческой деятельности, и в этой связи становятся важными исследования посвященные ценностному фундаменту волонтерской деятельности (Васильева, Чумаков, Чумакова, 2024; Шутенко, Шутенко, Локтева, 2024; Кисиленко, 2021), ценностно-смысловым факторам участия в волонтерской деятельности молодежи (Палкин, 2023), а также специфике ценностного выбора для волонтеров разных добровольческих направлений (Серова, 2023).

Не так многочисленны в научном дискурсе исследования, посвященные изучению особенностей деятельности и

мотивации волонтеров патриотических направлений. Как правило, они направлены на исследование роли волонтерской деятельности в воспитании активной гражданской позиции (Матвеевко, Зиновьева, Иванова, 2022), в решении задач военно-патриотического воспитания молодежи (Юшков, 2023). Вопросы развития патриотического сознания молодежи и формирования патриотических волонтерских направлений деятельности становятся неотъемлемой частью исследований добровольчества в условиях специальной военной операции (Зинурова, Тузиков, 2024).

Изучение добровольческого направления, основной функцией которого становится сохранение исторической памяти, можно найти в статье Е. Н. Маловой (Малова, 2019), где презентуются результаты исследования, посвященные изучению личностных качеств волонтеров Победы, и автор приходит к выводу, определяющему приоритет личностной конструкции членов данного объединения (где отмечается весомый просоциальный фундамент) над теми социальными технологиями, которые могли бы влиять на формирование таких личностных качеств.

Таким образом, несмотря на весомый научный дискурс, посвященный вопросам и проблемам молодежного добровольчества, мы приходим к пониманию дефицита исследований, посвященных особенностям деятельности такого важного с позиции общественных функций объединения (имеющего на данный момент не просто инициативное основание, но и институциональную основу), как волонтеры Победы. Рассмотрение специфики портрета таких волонтеров и особенностей их мотивации позволят сформировать предложения по повышению эффективности их волонтерского труда и будут способствовать исключению риска формализации и имитации.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга «Развитие регионального добровольчества», проведенного на

территории Белгородской области в 2025 году (лето-осень). В количественном исследовании был использован метод массового опроса (формализованное онлайн анкетирование). Опрос был осуществлен по целевой выборке, ограниченной минимальной представленностью групп респондентов (участвующих в волонтерской деятельности) для районов области. В статье будет проанализирована подвыборка молодежи (14-36 лет), определившая в качестве своего волонтерского направления «Волонтеры Победы». В данную подвыборку вошло 1092 человека, из которых были представлены 190 мужчин, 902 женщины (что также указывает на «женское лицо направления»,

764 представителя городской молодежи и 328 проживающих в сельской местности. В качестве ограничения исследования выступает целевой характер набора выборки (в исследовании приняли участие волонтеры победы, привлеченные специалистами управления молодежной политики региона), что может ограничивать круг участников доступными для формальных рекрутеров группами.

Научные результаты и дискуссия (Research results and Discussion). В рамках исследования, для понимания социального портрета волонтеров Победы, были определены их волонтерский статус, временная глубина вовлечённости, интенсивность участия и каналы рекрутирования.

Группы включенности в волонтерскую деятельность среди волонтеров Победы / Volunteer Involvement Groups among Victory Volunteers

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «К какой группе Вы могли бы себя отнести?», %

Figure 1. Respondents' answers to the question: "Which group would you classify yourself as?", %

Так, групповая идентификация и организационная укоренённость (Рисунок 1) показывает высокую степень неформальной (ситуативной) включённости (43,8%). Такое распределение в направлении патриотического волонтерства указывает

на наличие широкого периферийного слоя, характерного для сетевых форм мобилизации. Оптимистичным является систематическое участие 22%, но их исключенность из формальных организационных структур подчеркивает сформированность значимого для

патриотического сегмента феномена «автономного добровольчества», не редуцируемый к институциональному членству. Собственно членами организаций являются почти 35% (включая руководителей (4,3%)). Таким образом, ядро институционализированного патриотического добровольчества на данный момент достаточно велико, хотя, по-прежнему преобладают неаффилированные или слабо аффилированные формы участия.

Распределение волонтеров по опыту участия показывает, что в данном добровольческом направлении преобладает достаточно длительная форма участия – так, волонтеры, включенные в движении волонтеров Победы свыше 3 лет составляют более 50% (3-4 года 30,6%; опыт более 5 лет – 22,1%), в то время как «новички» (опыт участия менее двух лет) объединяют только 47,3% (наименьшая доля – волонтеры с опытом менее года (14,6%); группы 1-2 года 32,7%). Обращает на себя внимание отсутствие резкого спада на интервале 3–4 года: это противоречит тезису о «выгорании» на ранних этапах в патриотической повестке. Можно сделать вывод о том, что патриотическое волонтерство обладает высокой ретенционной способностью в среднесрочной перспективе.

По частоте участия для волонтеров победы характерна регулярность, но не сверхчастотность: так, 39,3% участвуют в мероприятиях патриотической направленности несколько раз в месяц (это наиболее частая категория), в то время как каждую неделю, только 23,1%. Суммарно 62,4% участвуют не реже нескольких раз в месяц – это высокий показатель для добровольчества в целом. Патриотические проекты, вероятно, имеют дискретный, событийно-календарный характер (памятные даты, акции), но при этом генерируют системную вовлечённость.

Доминирующий канал входа в деятельность для волонтеров Победы становится персональная рекрутация через уже вовлечённых членов направления

(45,2%). Можно сказать, что это классический механизм «слабых связей» внутри сети, усиленный доверием. Есть и использование семейно-дружеской мотивации («друзья или близкие занимались, хотел быть рядом», 20,1%), что в сумме с предыдущим даёт 65,3% социально-сетевое рекрутирование. Самостоятельный поиск обозначили как главный лишь 16,4%, случайное информирование – 13,5%. Обязательное (недобровольное) участие минимально (4,9%), что исключает версию о формальном принуждении в патриотическом сегменте.

В современной социологии добровольчества ресурсные вложения рассматриваются не только как индикатор текущей активности, но и как механизм самоподкрепления участия. Чем большими ресурсами (физическими, эмоциональными, материальными, организационными) агент жертвует, тем выше его имплицитные издержки выхода из деятельности, что, в свою очередь, ведет к росту идентификации с группой, укреплению просоциальных установок и повышению субъективной значимости деятельности. Ниже представленные данные позволяют эмпирически верифицировать эту гипотезу на материале патриотического сегмента молодежного добровольчества (Рисунок 2).

Наибольшая доля респондентов указывает на значительные эмоциональные затраты (43,2%). В контексте патриотического добровольчества (работа с исторической памятью, помощь ветеранам, участие в мемориальных акциях) это означает, в-первую очередь, высокий уровень эмпатийного сопереживания, моральное напряжение при взаимодействии с травматическими нарративами, потребность в эмоциональной саморегуляции. Значения данного показателя позволяют с оптимизмом говорить о будущем развитии данного добровольческого направления, так как именно эмоциональные вложения формируют аффективную приверженность –

наиболее прочный тип организационной лояльности по А. Хиршману. Агенты, вкладывающие эмоции, с меньшей вероятностью прекращают участие при появлении внешних альтернатив.

Вторая по значимости категория – это физические ресурсы (36,9%), что типично для событийно-ориентированного добровольчества (развозка гуманитарной помощи, благоустройство мемориалов, сопровождение парадов).

Ресурсные вложения в волонтерскую деятельность / Resource investments in volunteer activities

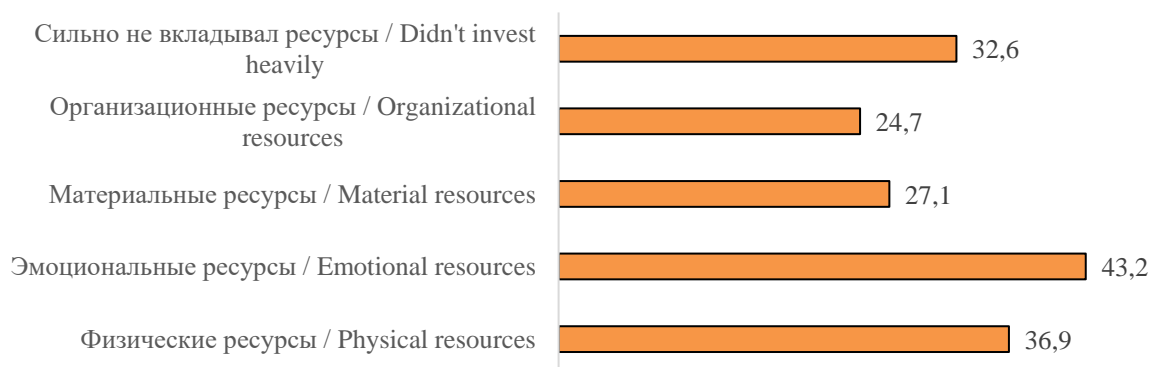

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос: «Были ли у вас опыт, когда вы вкладывали большие ресурсы в волонтерскую деятельность?», множественный выбор, %
Figure 2. Respondents' answers to the question: “Have you ever invested a large amount of resources into volunteering?”, %

Материальные ресурсы (27,1%) и организационные ресурсы (24,7%) реже упоминаются волонтерами Победы, и отражают вклад в виде личных средств (покупка атрибутики, транспорт, питание) и управленческих усилий (координация других добровольцев, связь с партнерами). Организационные вложения особенно показательны: они требуют компетенций и времени, что обычно свойственно участникам со стажем более 3 лет. Следовательно, доля в 24,7% фиксирует ядро активистов, берущих на себя функции низового менеджмента.

Важный контр-показатель объединяет группу волонтеров, не имевших опыта серьезного ресурсного вложения (32,6%). Почти треть респондентов признает низкие ресурсные затраты. Сравнительный анализ позволяет утверждать: низкие ресурсные вложения коварируют с периферийным, эпизодическим участием. Таким образом,

можно сказать, что ресурсные вложения в патриотическое добровольчество выступают не просто сопутствующим условием, но самостоятельным фактором интенсификации участия, причем эмоциональные затраты являются доминирующим механизмом формирования аффективной приверженности, тогда как материальные и организационные – маркерами перехода в институционализированное ядро. Низкий уровень ресурсных вложений системно ассоциирован с периферийным статусом и повышенным риском выбытия.

Оценивая волонтерскую компетентность, мы исходили из гипотезы исследования – причастность к созданию ценностей создает повышенную мотивацию и обеспечивает вовлеченность в волонтерскую деятельность на больший срок. Безусловно, создание ценностей невозможно без волонтерского опыта, но

эти позиции могут и не иметь реверсивной связи – участие в создании ценностей предполагает опыт, но опыт не предполагает обязательного подключения к созданию ценностей. Понимание позиции «создание ценностей» может быть выражено и через глубокую интериоризацию социальных смыслов (внутренние альтруистические и гуманистические потребности), но деятельно это может быть презентовано, в том числе, через волонтерскую

самостоятельность и инициативность, самоорганизацию в волонтерском труде.

В рамках нашего исследования мы видим, что относительную причастность к созданию ценностей имеет примерно половина волонтеров Победы, но непосредственно вовлечены в волонтерскую самоорганизацию и инициативу только 37,1%, остальные 63% находятся в зоне гетерономного, управляемого извне поведения (Рисунок 3).

Уровень компетенции / Competency Level	%	Тип участия в создании ценностей / Type of participation in value creation
Выполнение под руководством / Execution under supervision	45,6	Репродуктивный (ценности транслируются извне) / Reproductive
Самостоятельное выполнение по инструкции / Independent execution according to instructions	17,4	Адаптивно-репродуктивный / Adaptive-reproductive
Самостоятельное решение и инициатива / Independent decision-making and initiative	21,4	Частично продуктивный (локальная модификация ценностей) / Partially productive
Самостоятельная организация и распределение задач / Independent organization and distribution of tasks	15,7	Полностью продуктивный (создание и тиражирование ценностей) / Fully productive

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос: «Какова степень Вашей «волонтерской компетентности»?», %

Figure 3. Respondents' answers to the question: "What is the level of your 'volunteer competence'?", %

Данное распределение свидетельствует о том, что патриотическое добровольчество в его текущей институциональной форме воспроизводит преимущественно исполнительскую модель гражданского действия, тогда как ценностно-автономная модель охватывает лишь немногим более трети участников. Участие в создании ценностей (что становится приоритетной задачей для всех воспитательных форм гражданского участия) не сводится к декларативной лояльности или интернализации патриотических нарративов. Операционализация данного конструкта через волонтерскую самостоятельность и инициативность позволяет эмпирически фиксировать ту форму интериоризации, которая имеет поведенческие корреляты. Глубокая интериоризация социальных смыслов (альтруистических, гуманистических, патриотических) проявляется не в вербальной согласии, а в способности к автономному действию, принятию решений и организации других.

Второе значение для показателей данного вопроса – это волонтерские компетенции, выражающиеся в способности к управлению, самоорганизации, самостоятельности и инициативе. Все эти составляющие присутствуют у группы волонтеров Победы в количестве 15,7% (условно данная группа может быть названа волонтерами с высшим уровнем компетенций). Самоорганизация, самооценка и инициатива характерны для 21,4% (высокий уровень), еще 17,4% как минимум проявляют самостоятельность (средний уровень компетенций). Остальные могут быть объединены в группы с уровнем исполнительских компетенций (чтобы не обозначать этот уровень как низкий).

Таким образом, волонтерская компетентность в патриотическом сегменте представляет собой стратифицированное поле, где лишь элитная группа обладает полным спектром управленческих способностей, а большинство (63%) остаётся в зоне исполнительской зависимости. Это создаёт структурное напряжение: с одной стороны, так как данное направление добровольчества нуждается в инициативных агентах, производящих ценности; с другой, актуализируется проблема, связанная с тем, что институциональная среда не формирует устойчивых каналов перехода от исполнительского к продуктивному типу участия. Без целевых программ развития компетенций и делегирования автономии феномен «создания ценностей» останется уделом узкого активистского ядра, не транслируясь на массовый уровень.

Условиями формирования активного стремления заниматься добровольческой деятельностью являются мотивация и самоидентификация индивидов с той деятельностью, которой они занимаются. Идентификация себя с волонтерами позволяет увидеть, насколько осознанным является выбор человека, насколько он соотносит себя с тем образом, который сформирован в общественном мнении о волонтерах, и, косвенно, показывает его принятие этого образа (осознание важности, значимости, ценности). Волонтерская идентичность накладывает определенные обязательства, связанные с социальной ответственностью, с реализацией принятых моделей поведения и участия в волонтерском труде, определенном жизненном выборе и много другое. Именно поэтому, ответ на данный вопрос очерчивает потенциальную группу «истинных волонтеров», волонтерский региональный капитал, способный сохраниться на долгие годы.

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли Вас назвать волонтером (добровольцем)»?», %

Figure 4. Respondents' answers to the question: "Do you think you can be called a volunteer?", %

В этой связи можно разделить такую идентичность на однозначную (человек считает себя волонтером, у него нет сомнений и он готов вести себя как волонтер – это его осознанный выбор), частичную идентичность (человек понимает, что он выполняет определенные волонтерские функции, но у него нет стремления брать на себя ответственность и делать выбор в пользу соответствующего образа жизни и моделей поведения), частичную не идентичность (человек не хочет полностью отказаться от причастности к волонтерской деятельности, но понимает, что его образ не соответствует образу волонтера), однозначная не идентичность (человек исключает свою причастность к данной социальной группе, избегает быть включенным в нее на постоянной основе).

Относительно группы, в той или иной мере, отождествляющей себя с волонтерами, положительный ответ получен от 81,1% волонтеров Победы, и это высокий показатель легитимации роли, свидетельствующий о том, что патриотическое добровольчество воспринимается участниками как социально приемлемая и престижная практика. Однозначно уверены в том, что могут назвать себя волонтерами только 41%, именно эта группа, по мнению

авторов, формирует *волонтерский региональный капитал* – устойчивый, воспроизводимый ресурс, способный сохраняться на долгие годы и обеспечивать институциональную преемственность. Группа, осознающая скорее свою непричастность к данному «званию», составила почти 8%, но ее можно расширить за счет половины группы, затруднившейся со своей идентификацией, и тогда она увеличивается почти до 13-14%.

Волонтерскую идентичность вряд ли можно рассматривать как нейтральную метку или продукт исключительно внешнего приписывания. Скорее, она выступает в качестве механизма, посредством которого на индивида налагаются ролевые обязательства. Этот механизм включает в себя: принятие социальной ответственности в качестве нормативного требования; воспроизводство институционализированных образцов поведения; фиксацию определённого жизненного выбора; формирование устойчивой поведенческой диспозиции, рассчитанной на длительную перспективу.

Из этого вытекает, что полная (однозначная) идентичность служит предиктором стабильности участия. Частичная же идентичность, напротив, увеличивает вероятность выхода из деятельности при изменении внешних

условий, например, в случае утраты поддерживающего социального окружения или появления иных способов распределения временных ресурсов.

Особое внимание следует уделить группе респондентов, которые затруднились с самоопределением (10,8%). Определённая часть этих опрошенных, по всей видимости, может быть реклассифицирована в зону неидентичности. Данный факт свидетельствует о лабильности идентификационных процессов: при отсутствии рефлексивной работы и институциональной поддержки неопределённость с большей вероятностью эволюционирует в сторону непринятия роли, чем в сторону её присвоения. Соответственно, зона, которую можно обозначить как «частичная неидентичность» (ориентировочно 5-6%), представляет собой область повышенного риска. В этой области даже незначительные триггеры способны привести к прекращению волонтерской деятельности.

Эмпирические данные подтверждают, что однозначная идентичность свойственна лишь для 41% опрошенных волонтеров, тогда как суммарный показатель

позитивной идентичности достигает 81%. Это расхождение свидетельствует о диффузном, размытом характере ролевого принятия в сфере патриотического добровольчества. Большинство участников осознают свою вовлеченность в деятельность, однако не готовы принимать на себя полный спектр ролевых обязательств. Тем самым формируется структурная уязвимость: система опирается на широкую периферию с низкой ролевой нагрузкой, тогда как ядро «истинных волонтеров» остается сравнительно немногочисленным.

Переходя к вопросу о мотивации волонтеров Победы, следует отметить, что все выделенные ее формы пользуются у участников высокой востребованностью. Анализ статических показателей и рангов позволяет сгруппировать мотивационные акценты следующим образом: высокосignимые (выбор 90-100%), значимые (80-90%), достаточно важные (70-80%) и менее важные (ниже 70%). Первые три группы представлены в спектре мотивов волонтеров патриотической направленности примерно в равной степени (Таблица 1).

Таблица 1

Кластерный анализ мотивов участия в добровольческой деятельности волонтеров Победы, %

Table 1

Cluster analysis of motives for participation in volunteer activities of Victory Volunteers, %

Мотив / Motive	Важно / Important (%)	Реализованность / Realization (%)	Разрыв / Gap (Δ)
Кластер I. Ценностно-альтруистический (интегрированная регуляция) / Cluster I. Value-altruistic (integrated regulation)			
Польза обществу / Benefit to society	98,3	73,6	24,7
Помощь нуждающимся / Help those in need	98,9	67,3	31,6
Самоуважение через помощь / Self-respect through help	94,8	64,2	30,6
Применение проф. знаний для людей / Application of professional knowledge for people	95,4	60,6	34,8
Кластер II. Социально-коммуникативный (идентифицированная регуляция) / Cluster II. Social and communicative (identified regulation)			
Общение с друзьями / Communication with friends	96,8	64,5	32,3
Время с интересными людьми / Time with interesting people	90,5	52,3	38,2

Мотив / Motive	Важно / Important (%)	Реализованность / Realization (%)	Разрыв / Gap (Δ)
Полезные знакомства / Useful acquaintances	95,7	64,5	31,2
Желание подружиться / The desire to make friends	95,7	62,8	32,9
Кластер III. Инструментально-развивающий (идентифицированная регуляция с элементами внешней) / Cluster III. Instrumental-developmental (identified regulation with elements of external)			
Опыт работы / Work experience	94,5	60,5	34,0
Новые знания и квалификация / New knowledge and qualifications	92,7	56,8	35,9
Любимое дело / хобби / Favorite activity / hobby	95,2	63,0	32,2
Совершенствование в том, что хорошо получается / Improvement in what you do well	84,1	45,3	38,8
Интересная работа / Interesting work	81,2	40,9	40,3
Кластер IV. Статусно-репутационный (интродуцированная регуляция) / Cluster IV. Status-reputational (introduced regulation)			
Уважение окружающих /	81,9	40,5	41,4
Карьерный рост /	83,3	38,0	45,3
Повышение самооценки /	89,5	50,5	39,0
Забыть о своих проблемах /	93,0	57,0	36,0
Кластер V. Внешне-прагматический (экстернальная регуляция) / Cluster V. External-pragmatic (external regulation)			
Приглашение друзей/родственников / Inviting friends/relatives	90,2	52,6	37,6
Привилегии и льготы / Privileges and benefits	75,3	37,8	37,5
Доступ к информации / Access to information	71,6	33,1	38,5
Защита своих прав / Protecting your rights	76,0	33,4	42,6
Религиозные убеждения / Religious beliefs /	79,4	41,3	38,1

Представленный эмпирический материал фиксирует два измерения мотивации: субъективную значимость (важность мотива для агента) и степень удовлетворённости (реализация данной потребности через волонтерскую деятельность). Такой дизайн позволяет не только выявить иерархию побуждений, но и диагностировать мотивационный дефицит (зоны, где высокая значимость сочетается с низкой реализацией). Именно эти зоны представляют наибольший

теоретический и практический интерес, поскольку именно в них формируется потенциал фрустрации, снижения вовлечённости и, в конечном счёте, выхода из деятельности волонтеров Победы.

Для целостного осмысления данных вводится кластерная модель мотивации, группирующая 22 мотивов по их смысловой природе и источнику регуляции (внешняя, интродуцированная, идентифицированная, интегрированная регуляция в терминах теории самодетерминации).

На основе качественной группировки мотивов по их смысловому ядру выделяется пять мотивационных кластеров, различающихся по доле респондентов, считающих мотив важным, и по степени удовлетворённости его реализации. Так, *ценностно-альтруистический* кластер имеет максимальную значимость (94-99%), высокую реализуемость (60-74%), умеренный разрыв между потребностями и их реализацией в волонтерской деятельности (25-35 п.п.). Данный кластер является мотивационным ядром патриотического добровольчества. Ценности здесь не декларируются, а деятельностно реализуются, что подтверждается высокими показателями полной реализации. Именно данный кластер выступает основой долгосрочной вовлечённости и обеспечивает формирование регионального волонтерского капитала (см. Таблицу 1).

Для *социально-коммуникативного* кластера характерны очень высокие показатели значимости (90-97%) при средних значениях реализованности (52-65%). Разрыв между значимостью и фактическим удовлетворением потребностей находится в интервале 31-38 процентных пунктов. Социальная мотивация занимает второе место после ценностно-альтруистической. Внутри этого кластера обращает на себя внимание существенно более низкий уровень реализации потребности в «интересных людях» (52,3%) по сравнению с показателем «общения с друзьями» (64,5%). Полученное расхождение даёт основание полагать, что волонтерская среда эффективно поддерживает горизонтальные связи внутри уже сложившихся дружеских групп, однако заметно хуже обеспечивает формирование новых значимых контактов.

Инструментально-развивающий кластер также отличается высокой значимостью входящих в него мотивов (81-95%) и их средней реализуемостью в деятельности волонтеров Победы (41-63%). Разрыв между значимостью и реализацией варьируется здесь от 32 до 40 п.п. Особого

внимания заслуживает мотив «интересная работа». При важности 81,2% полностью реализуют его лишь 40,9% опрошенных. Соответственно, разрыв в 40,3 процентных пункта оказывается критическим для всей мотивационной матрицы. Это указывает на то, что в текущей институциональной форме волонтерская деятельность данного направления нередко воспринимается участниками как рутинная и не соответствующая их ожиданиям относительно «интересной работы».

Статусно-репутационный кластер характеризуется значимостью мотивов в диапазоне 82-93%, низкой степенью реализованности потребностей (38-57%) и максимальными разрывами между этими двумя показателями (36-45 п.п.). Именно здесь фиксируется наиболее выраженный мотивационный дефицит. Карьерный рост ($\Delta = 45,3$) и уважение окружающих ($\Delta = 41,4$) выступают в качестве «болевых точек»: волонтеры высоко оценивают значимость этих мотивов, но систематически не получают их удовлетворения. Такая ситуация создаёт латентный кризис, особенно заметный среди высококомпетентных участников (15,7% организаторов), для которых карьерная перспектива имеет критическое значение.

Внешне-прагматический кластер обладает собственной спецификой, которая проявляется в относительно более низкой (по сравнению с остальными кластерами) значимости мотивов (72-90%), их низкой реализованности (33-53%) и высоких разрывах (37-43 п.п.). Наиболее показателен здесь мотив «защита своих прав» ($\Delta = 42,6$): волонтеры, рассматривающие добровольчество как инструмент решения личных проблем, сталкиваются с системной недореализацией данной стратегии. В то же время низкая значимость материальных привилегий (75,3% важности – самый низкий показатель среди всех мотивов) подтверждает, что патриотическое добровольчество не служит инструментом прямой материальной выгоды.

Зоны критического разрыва позволяет выделить три зоны мотивационного

напряжения (Таблица 2). Зона критического дефицита ($\Delta > 40$) охватывает мотивы, связанные с публичным признанием, карьерной мобильностью и содержательной привлекательностью деятельности. Это не периферийные, а центральные ожидания значительной части волонтеров, особенно из

продуктивного ядра (37,1% с инициативой и самоорганизацией). Их систематическая недореализация создаёт риск эрозии наиболее квалифицированного волонтерского сегмента в реализации направлений патриотического добровольчества.

Таблица 2

Диагностика мотивационного дефицита для патриотических направлений волонтерства, %
Table 2

Diagnosis of motivational deficit for patriotic volunteering activities, %

Зона / Zone	Разрыв / Break (Δ)	Мотивы / Motives	Социологическая интерпретация / Sociological interpretation /
Красная (критическая) / Red (critical)	>40 п.п.	Карьерный рост (45,3), уважение окружающих (41,4), защита своих прав (42,6), интересная работа (40,3) / Career growth (45.3), respect from others (41.4), protection of one's rights (42.6), interesting work (40.3)	Системная неспособность институциональной среды удовлетворить легитимные ожидания. Зона потенциального выхода / Systemic inability of the institutional environment to meet legitimate expectations. Zone of potential exit
Жёлтая (значительная) / Yellow (significant)	35–40 п.п.	Совершенствование в любимом деле (38,8), время с интересными людьми (38,2), привилегии (37,5), приглашение друзей (37,6), доступ к информации (38,5) / Improvement in one's favorite activity (38.8), spending time with interesting people (38.2), privileges (37.5), inviting friends (37.6), access to information (38.5)	Умеренный дефицит, компенсируемый другими мотивами. Требуется адресных интервенций / Moderate deficit compensated by other motives. Requires targeted interventions
Зелёная (умеренная) / Green (moderate) /	<35 п.п.	Польза обществу (24,7), помощь нуждающимся (31,6), самоуважение (30,6), общение с друзьями (32,3) / Benefit to society (24.7), helping those in need (31.6), self-respect (30.6), and socializing with friends (32.3)	Благополучная зона. Именно эти мотивы обеспечивают устойчивость участия / Well-functioning zone. These motives ensure the sustainability of participation /

Проведённый кластерный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

- мотивационная структура патриотического добровольчества полимотивирована и иерархична. Ядро составляют ценностно-альтруистические мотивы, но значительный вес имеют также социально-коммуникативные и инструментально-развивающие мотивы.

Редукция мотивации исключительно к патриотическому долгу эмпирически несостоятельна.

- мотивационный дефицит локализован в зонах публичного признания и карьерной мобильности. Максимальные разрывы ($\Delta > 40$) фиксируются для карьерного роста, уважения окружающих и интересной работы – мотивов, относящихся к внешней и

интроецированной регуляции. Это указывает на институциональную недостаточность механизмов символического и инструментального вознаграждения;

- высокая удовлетворённость альтруистических мотивов ($\Delta=25-35$) компенсирует дефицит в других зонах, но не устраняет его. Устойчивость участия обеспечивается преимущественно за счёт внутренней мотивации, что создаёт уязвимость: при снижении альтруистического устремления (например, в условиях рутинизации деятельности) критический дефицит в статусно-карьерной сфере может привести к массовому оттоку;

- кластер внешне-прагматической мотивации (привилегии, доступ к информации, защита прав) демонстрирует одновременно и наименьшую значимость, и высокий дефицит реализации. Это позволяет заключить, что волонтеры не рассматривают добровольчество как инструмент прямой материальной выгоды, но, если такая выгода и ожидается, она почти никогда не реализуется.

Понимание проблемы мотивации для волонтеров Победы дополняет информация об их запросе на поощрение к организаторам волонтерской деятельности и мероприятий. В социологии добровольчества проблема поощрения традиционно рассматривается в дихотомии «внутреннее vs внешнее вознаграждение». Однако представленные данные требуют более тонкой аналитической оптики, так как речь идёт не о бинарном выборе между материальными и нематериальными стимулами, а об иерархии символических, инвестиционных и гедонистических форм признания. Поощрение в данном контексте

выполняет не столько компенсаторную функцию (возмещение затрат), сколько статусно-маркирующую, оно публично фиксирует ценность волонтерского труда и конвертирует его в иные формы капитала.

В исследовательской модели способы поощрения были распределены по трем типам: символично-событийное (доступ к эксклюзивным культурным и социальным практикам); инвестиционное (конвертация волонтерского опыта в образовательные и карьерные дивиденды); утилитарно-бытовое (льготы, привилегии, материальная компенсация).

Анализ распределения ответов волонтеров Победы позволяет выделить три качественно различных уровня востребованности форм поощрения. *Первый уровень* (более 75% важности), где наиболее востребованными оказываются формы поощрения, связанные с эксклюзивным доступом к культурным благам и социально значимым персонам. Волонтеры стремятся не к материальной компенсации, а к символическому включению в пространства, обычно недоступные для широкой публики (встречи с известными деятелями (76,8%) можно считать запросом на социальное признание через сопричастие с носителями высокого статуса; приглашения в музеи и на выставки (77,9%) – запрос на культурную легитимацию волонтерской деятельности). Таким образом, можно сказать, что на верхнем уровне иерархии находится не утилитарная выгода, а символический капитал участия, доступ к полям культуры и власти, который подтверждает социальную значимость волонтерского труда.

Важность способов поощрения для волонтеров Победы / The Importance of Rewarding Methods for Victory Volunteers

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, какие способы поощрения важны для таких волонтеров, как Вы?», %
Figure 5. Respondents' answers to the question: "What types of rewards do you think are important for volunteers like you?", %

Второй уровень представлен смешанной группой, где доминируют инвестиционные формы (обучение,

трудоустройство, поступление). Волонтеры рассматривают добровольчество как канал социальной мобильности, и ожидаемое

поощрение должно конвертировать затраченное время и усилия в конвертируемые ресурсы. Приглашения на спортивные мероприятия (72,7%) занимают здесь особое место: они сочетают символический (доступ к значимому событию) и гедонистический компоненты. Доля важности инвестиционных форм (65-74%) ниже, чем символично-событийных (77-82%). Приведённые данные свидетельствуют о том, что статусное признание оценивается выше инструментальной выгоды, хотя оба типа поощрений обладают высокой значимостью.

Третий уровень занимают наименее востребованные категории вознаграждений. К ним относятся, во-первых, публичные формы признания, такие как публикации в средствах массовой информации или размещение на доске почёта. Подобные меры воспринимаются волонтерами как формальные, ритуализированные и лишённые реальной символической ценности. Во-вторых, это утилитарно-бытовые льготы (оплата проезда, дополнительные выходные дни). Для значительной части добровольцев (например, для учащихся, не имеющих постоянной работы) они либо нерелевантны, либо воспринимаются как «мелочная» компенсация, неадекватная масштабу затраченных усилий. В-третьих, гедонистические формы (например, посещение кинотеатров) уступают более престижным культурным событиям (музеям, выставкам).

Таким образом, формальное публичное признание парадоксальным образом ценится ниже, чем эксклюзивный доступ (встречи с деятелями культуры и политики, посещение музеев). Из этого следует, что волонтеры Победы ориентированы не столько на публичную видимость, сколько на получение доступа в привилегированные социальные пространства. Иными словами, статусный ресурс оказывается для них более значимым, чем репутационный.

Резюмируя, можно утверждать, что волонтеры патриотических направлений демонстрируют статусно-ориентированную модель ожиданий. Они стремятся не к материальной компенсации своих затрат (что было бы логично в рамках экономического подхода), а к символическому вознаграждению, выражающемуся в доступе к привилегированным социальным пространствам и в возможности конвертации добровольческого капитала в иные его виды (образовательный, профессиональный). Формальное публичное признание в таких формах, как доска почёта или публикации в средствах массовой информации, воспринимается волонтерами как не обладающее реальной обменной стоимостью. По сути, подобные меры оцениваются как символически недостаточные и неадекватные вложенным усилиям.

Вместе с тем предпочтения волонтеров Победы в области поощрений обнаруживают чёткую логику: выбираются те формы, которые напрямую адресуют выявленные зоны мотивационного дефицита. А именно, запрос на карьерный рост компенсируется инвестиционными формами поощрения, потребность в уважении и признании символично-событийными формами, а стремление к интересной деятельности культурно-развивающими. Такая картина свидетельствует о рациональной природе волонтерских ожиданий. Поощрение в данном случае трактуется участниками не как акт благодарности, а как инструмент восстановления эквивалентности обмена между вкладом добровольца и получаемым вознаграждением.

Заключение (Conclusion).

Результаты проведённого исследования позволяют не только охарактеризовать социально-демографический и деятельностный профиль участников Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы», но и раскрыть внутренние механизмы конституирования патриотического добровольчества. В

отличие от широко распространённого взгляда, сводящего патриотическое волонтерство главным образом к ритуализированным формам активности, полученные эмпирические данные фиксируют сложную, полимотивированную и стратифицированную структуру участия. В этой структуре пересекаются постматериалистические ценностные ориентации, запрос молодёжи на аутентичность и государственные воспитательные императивы.

Первая и, вероятно, наиболее значимая закономерность, выявленная в результате исследования, касается длительности вовлечённости волонтеров. Более половины опрошенных (52,7%) участвуют в движении свыше трёх лет, что опровергает тезис о распространённом «выгорании» в молодёжной среде и говорит о высокой способности патриотического сегмента удерживать участников. Объяснение этого феномена заключается в доминировании ценностно-альтруистического мотивационного ядра (польза обществу (98,3%), помощь нуждающимся (98,9%)), которое выполняет функцию основного стабилизатора участия, компенсируя дефициты в иных мотивационных зонах.

Вторая закономерность связана с характером рекрутирования добровольцев. Для 65,3% респондентов вход в деятельность осуществляется через персональные («слабые связи») и семейно-дружеские каналы, а не через формальные институты. Это порождает феномен «автономного добровольчества» (43,8% ситуативно включённых), при котором широкая периферия сосуществует с относительно немногочисленным институционализированным ядром (34,7% формальных членов).

Третья закономерность определяется «женским лицом» волонтерского движения (82,6% женщин), что требует отдельной рефлексии относительно гендерной асимметрии в практиках, связанных с заботой, памятью и коммеморацией, в

отличие от инструментально-силовых форм патриотической активности.

Наиболее системные проблемы, выявленные в ходе исследования, концентрируются в нескольких зонах. Одна из выявленных проблем связана с мотивационным дефицитом, локализованным в зонах статусно-репутационной и инструментально-развивающей регуляции. Критические расхождения между значимостью мотива и степенью его реализации ($\Delta > 40$ п.п.) зафиксированы для трёх позиций: карьерный рост ($\Delta = 45,3$), уважение со стороны окружающих ($\Delta = 41,4$) и защита собственных прав ($\Delta = 42,6$). Данные разрывы свидетельствуют о том, что институциональная среда движения не создаёт достаточных каналов для конвертации волонтерского капитала в иные его формы (профессиональную, символическую, социальную). Особое беспокойство вызывает мотив «интересная работа» ($\Delta = 40,3$). Почти 60% волонтеров не находят в своей деятельности ожидаемого содержательного наполнения, что в условиях рутинизации проводимых акций создаёт риск перехода от автономного участия к состоянию отчуждения.

Вторая группа проблем обусловлена диффузным, размытым характером волонтерской идентичности. При суммарном показателе позитивной самоидентификации, достигающем 81,1%, лишь 41% опрошенных однозначно причисляют себя к волонтерам. Остальные участники демонстрируют частичное или лабильное принятие соответствующей роли. Такая ситуация порождает структурную уязвимость: система опирается на широкую, но слабо связанную обязательствами периферию, тогда как ядро «истинных волонтеров», обеспечивающее формирование регионального волонтерского капитала, остаётся относительно немногочисленным.

Третья проблемная группа определяется исполнительской моделью участия челнов движения. 63% волонтеров

находятся в зоне гетерономного, управляемого извне поведения (выполнение заданий под руководством или по инструкции), и лишь 15,7% обладают полной компетенцией самоорганизации и распределения задач. Это свидетельствует о том, что декларируемое на уровне лозунгов «создание ценностей» на массовом уровне подменяется их трансляцией и репродукцией.

Основные риски, вытекающие из описанных закономерностей, связаны с эрозией продуктивного ядра. Высококвалифицированные волонтеры (37,1% с инициативой и самоорганизацией) одновременно являются носителями максимальных ожиданий в сфере карьерного роста и содержательной деятельности. Систематическая недореализация этих ожиданий в рамках текущей институциональной модели (где доминируют символическо-событийные поощрения (музеи, встречи с известными деятелями)) создаёт латентный кризис: наиболее квалифицированный сегмент может покинуть движение, оставив его с периферией, не способной к автономному воспроизводству практик.

Второй риск может быть обозначен как *ритуализация патриотической активности*, когда высокая частота участия (62,4% участвуют несколько раз в месяц) сочетается с низкой субъективной включенностью в создание ценностей и с разрывом в ожидании «интересной работы». В долгосрочной перспективе это ведет к формализации, снижению аффективной приверженности и превращению деятельности в симулякр, фиксируемый лишь внешними индикаторами.

Таким образом, движение «Волонтеры Победы» демонстрирует успешный пример институционализации патриотического добровольчества, но его дальнейшее развитие упирается в необходимость преодоления разрыва между ценностно-альтруистическим ядром и неразвитыми механизмами статусно-

карьерной компенсации. Без целевых программ делегирования автономии, конвертации волонтерского опыта в образовательные и профессиональные траектории, а также без перехода от исполнительской к продуктивной модели участия, существует риск постепенной утраты наиболее инициативной части молодежи, что снизит не только эффективность, но и сам легитимный потенциал движения как агента трансляции исторической памяти и гражданской солидарности.

Список литературы

- Батанина И. А., Лаврикова А. А. Институционализация самоорганизации граждан: теоретико-методологические аспекты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 116-124. EDN: THNXBL.
- Васильева И. В., Чумаков М. В., Чумакова Д. М. Ценности личности в представлениях о волонтерской деятельности у студентов университетов // Образование и наука. 2024. № 26 (2). С. 140-165. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-2-140-165. EDN: UEAVGF.
- Васильковская М. И., Пономарев В. Д. Волонтерство как социально-культурный феномен // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 57. С. 237. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-57-234-242. EDN: UELSTF.
- Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Особенности добровольчества в условиях российской специальной военной операции // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1 (50). С. 76-81. DOI: 10.55421/2499992X_2024_1_76. EDN: MEMGAC.
- Кисиленко А. В. Волонтерство как форма самоорганизации российской молодежи в условиях риска: автореф. дис... канд. социол. н. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2018. 37 с.
- Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 82-89. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8. EDN: ROGGWJ.
- Малова Е. Н. Социально значимые качества личности участников объединения «Волонтеры Победы» // Бизнес. Образование.

Право. 2019. № 4 (49). С. 435-441.
DOI: 10.25683/VOLBI.2019.49.471.
EDN: HTWGGKS.

Матвеев И. С., Зиновьева А. Д.,
Иванова И. В. Воспитание активной
гражданской позиции молодежи через
деятельность волонтерских объединений // *Журнал педагогических исследований*. 2022.
Т. 7, № 5. С. 31-35. EDN: UHGWWF.

Меренков А. В., Хорова П. А. Мотивация
волонтерской деятельности молодежи // *Koinon*. 2022. Т. 3, № 2. С. 106-118.
DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.019.
EDN: GLGWYP.

Палкин К. А. Ценностно-смысловые
факторы участия в волонтерской деятельности
студентов российских вузов // *Вестник
практической психологии образования*. 2023.
Том 20, № 1. С. 117-128.
DOI: 10.17759/bpre.2023200112. EDN:
CZANBY.

Паршакова Ю. А. Специфика
организации волонтерских движений // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2015.
№ 2 (11). С. 67-71. EDN: UBKOFT.

Певная М. В. Управление волонтерством:
международный опыт и локальные практики /
под научной редакцией Г. Е. Зборовского.
2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2022.
433 с. // *Образовательная платформа Юрайт*
[сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/493566> (дата
обращения: 24.03.2026).

Певная М. В., Тарасова А. Н., Якубова
Э. Р. Гражданское участие молодежи малых
территорий крупного индустриального региона
России // *Вестник Российского университета
дружбы народов*. Серия: Политология. 2023.
Т. 25, № 3. С. 722-737. DOI: 10.22363/2313-
1438-2023-25-3-722-737. EDN: SAEZFX.

Серова Е. А. Социально-
психологические особенности ценностных
ориентаций молодых и «серебряных»
волонтеров // *Человеческий капитал*. 2023. № 1.
С. 175-181. DOI: 10.25629/HC.2023.01.20.
EDN: KGYBVA.

Сушко В. А. Проявление волонтерства в
современном российском обществе // *Теория и
практика общественного развития*. 2017. № 11.
С. 43-47. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.8.
EDN: ZSMXKL.

Шаповалов А. В. Институциональное
становление добровольческого движения в
России: методологические подходы и
эволюционные стадии // *Вестник СКФУ*. 2014.
№ 6. С. 318-323. EDN: TJRAYF.

Шутенко А. И., Шутенко Е. Н., Локтева
А. В. Ценностные измерения волонтерской
деятельности как сферы нравственного роста и
гражданского участия студенческой молодежи
// *Перспективы науки и образования*. 2024.
№ 1 (67). С. 537-554.
DOI: 10.32744/pse.2024.1.30. EDN: TYMKZQ.

Юшков И. П. Роль волонтерского
движения в сфере гражданско-патриотического
воспитания: опыт Нижегородской области // *Известия
Иркутского государственного
университета*. Серия: Политология.
Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 19-28. DOI:
10.26516/2073-3380.2023.46.19. EDN:
RCPCVN.

References

Batanina, I. A., Lavrikova, A. A. (2014),
“Institutionalization of Citizen Self-Organization:
Theoretical and Methodological Aspects”,
*Izvestiya Tulskego gosudarstvennogo universiteta.
Gumanitarnye nauki*, (3), 116-124,
EDN: THNXBL. (In Russian)

Vasilieva, I. V., Chumakov, M. V.,
Chumakova, D. M. (2024), “Personal Values in
University Students Perceptions of Volunteer
Activity”, *Obrazovanie i nauka*, (2), 140-165, DOI:
10.17853/1994-5639-2024-2-140-165, EDN:
UEAVGF. (In Russian)

Vasilkovskaya, M. I., Ponomarev, V. D.
(2021), “Volunteering as a Socio-Cultural
Phenomenon”, *Vestnik Kemerovskogo
gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*,
(57), 237, DOI: 10.31773/2078-1768-2021-57-
234-242, EDN: UELSTF. (In Russian)

Zinurova, R. I., Tuzikov, A. R. (2024),
“Features of Volunteering in the Context of the
Russian Special Military Operation”, *Upravlenie
ustoychivym razvitiem*, (1), 76-81, DOI:
10.55421/2499992X_2024_1_76,
EDN: MEMGAC. (In Russian)

Kisilenko, A. V. (2018), *Volonterstvo kak
forma samoorganizatsii rossiyskoy molodezhi v
usloviyakh riska* [Volunteering as a Form of Self-
Organization of Russian Youth in Risk
Conditions], abstract of Cand. Sociological
Sciences Dissertation, SFedU, Rostov n / D,
Russia. (In Russian)

Kisilenko, A. V. (2021), “Value
Foundations of Volunteer Practices of Russian
Youth”, *Research Result. Sociology and
Management*, 7 (3), 82-89, DOI: 10.18413/2408-
9338-2021-7-3-0-8, EDN: ROGGWJ. (In Russian)

Malova, E. N. (2019), “Socially Significant
Personality Traits of Participants of the Victory

Volunteers Association”, *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, (4), 435-441, DOI: 10.25683/VOLBI.2019.49.471, EDN: HTWGKS. (In Russian)

Matveyenko, I. S., Zinovieva, A. D., Ivanova, I. V. (2022), “Fostering Active Civic Attitudes in Young People through the Activities of Volunteer Associations”, *Zhurnal pedagogicheskikh issledovaniy*, 7 (5), 31-35, EDN: UHG VWF. (In Russian)

Merenkov, A. V., Khorova, P. A. (2022), “Motivation of Youth Volunteer Activities”, *Koinon*, 3 (2), 106-118, DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.019, EDN: GLGWYP. (In Russian)

Palkin, K. A. (2023), “Value-Semantic Factors of Participation in Volunteer Activities of Students of Russian Universities”, *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 20 (1), 117-128, DOI: 10.17759/bppe.2023200112, EDN: CZAHBY. (In Russian)

Parshakova, Yu. A. (2015), “Specifics of the Organization of Volunteer Movements”, *Baltiyskiy gumanitarny zhurnal*, (2), 67-71, EDN: UBKOFT. (In Russian)

Pevnaya, M. V. “Volunteer Management: International Experience and Local Practices”, edited by G. E. Zborovsky, *Obrazovatel'naya platforma Yurait*, available at: <https://urait.ru/bcode/493566> (Accessed 24 March 2026). (In Russian)

Pevnaya, M. V., Tarasova, A. N., Yakubova, E. R. (2023), “Civic Participation of Young People in Small Territories of a Large Industrial Region of Russia”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 25 (3), 722-737, DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737, EDN: SAEZFX. (In Russian)

Serova, E. A. (2023), “Socio-Psychological Features of Value Orientations of Young and “Silver” Volunteers”, *Chelovecheskiy kapital*, (1), 175-181, DOI: 10.25629/HC.2023.01.20, EDN: KGYBBA. (In Russian)

Sushko, V. A. (2017), “Volunteerism in Modern Russian Society”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (11), 43-47, DOI: 10.24158/tipor.2017.11.8, EDN: ZSMXKL. (In Russian)

Shapovalov, A. V. (2014), “Institutional Development of the Volunteer Movement in Russia: Methodological Approaches and

Evolutionary Stages”, *Bulletin of North Caucasus Federal University*, (6), 318-323, EDN: TJRAYF. (In Russian)

Shutenko, A. I., Shutenko, E. N., Lokteva, A. V. (2024), “Value Dimensions of Volunteer Activity as a Sphere of Moral Growth and Civic Participation of Student Youth”, *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, (1), 537-554, DOI: 10.32744/pse.2024.1.30, EDN: TYMKZQ. (In Russian)

Yushkov, I. P. (2023), “The Role of the Volunteer Movement in the Sphere of Civic-Patriotic Education: The Experience of the Nizhny Novgorod Region”, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 46, 19-28, DOI: 10.26516/2073-3380.2023.46.19, EDN: RCPCVN. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 марта 2026 г. Поступила после доработки 09 апреля 2026 г. Принята к печати 10 апреля 2026 г. Received 20 March 2026. Revised 09 April 2026. Accepted 10 April 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Махмутова Каролина Александровна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Karolina A. Makhmutova, Assistant Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.